

tion and functioning of the internal affairs agencies. Law-enforcement agencies have implemented the policy of the ruling party, has become a key instrument of the administrative-command system.

Keywords: law-enforcement agencies, the NKVD, the Byelorussian SSR, political and legal regime of the mechanism of the state, the workers 'and peasants' militia.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: danvik07@bk.ru)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЖИМА В ДЕТСКИХ КОЛОНИЯХ БССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 гг.)

На основании архивных и опубликованных материалов анализируется процесс становления и организации режима в исправительно-трудовых и трудовых воспитательных учреждениях для несовершеннолетних Белоруссии в послевоенные годы. Раскрываются формы и методы работы Отдела по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью НКВД/МВД БССР по организации режима содержания воспитанников в детских колониях.

Ключевые слова: беспризорники, несовершеннолетние, режим в специальных исправительных учреждениях для малолетних, права малолетних, несовершеннолетние правонарушители

Военные действия и трехлетняя оккупация территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны нанесли республике огромный ущерб: погибло более 2,2 млн граждан, было уничтожено три четверти жилого фонда [1, с. 5]. Массовые сиротство, беспризорность и преступность несовершеннолетних явились последствием войны, и забота о безнадзорных и беспризорных детях стала одним из важнейших направлений государственной политики СССР. Большинство беспризорников потеряли родителей, отставали в развитии и общеобразовательной подготовке, нуждались в обеспечении специальных условий для воспитания и соблюдении строгого режима. Государство должно было «вывести» таких детей с улиц, предоставить им крышу над головой, накормить, дать профессиональную путевку в жизнь. Одним из путей решения обозначенной проблемы было создание сети детских воспитательных специальных учреждений. Таким образом, согласно постановлению СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» НКВД СССР было поручено создать сеть детских трудовых воспитательных колоний. Такие учреждения ранее в стране не имели аналогов и дополняли известные еще с довоенных времен трудовые колонии (ТК) для несовершеннолетних преступников (таких колоний в 1940 г. в СССР было 48, в том числе в БССР – 3) [2, с. 148]. В детских трудовых воспитательных колониях (ДТВК) предусматривалось размещать детей и подростков в возрасте от 11 до 16 лет (беспризорников, сирот), задержанных за хулиганство, мелкие кражи [3, с. 26]. В СССР Наркоматом юстиции, Наркоматом внутренних дел и Прокуратурой 21 июня 1943 г. была издана совместная инструкция «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР», где разъяснялось, что основание для направления в ДТВК – заключение начальника органа внутренних дел и учреждения просвещения или определение суда. Однако пребывание в ДТВК уголовным наказанием не считалось. Итак, система специальных учреждений для содержания беспризорных и безнадзорных детей и подростков предусматривала организацию НКВД двух видов детских учреждений: трудовых воспитательных колоний для сирот и беспризорников и для осужденных подростков.

Создание детских колоний в республике, начатое по решению правительства БССР и согласно приказу наркома внутренних дел БССР в августе 1944 г., было сопряжено с огромными трудностями [4, ф. 50, оп. 3, д. 13, л. 128]. Материальная база довоенных исправительно-трудовых учреждений НКВД БССР для несовершеннолетних была уничтожена. Сумма материального ущерба составляла 18 270 тыс. довоенных рублей [4, ф. 11, оп. 1, д. 8, л. 2], но в кратчайшие сроки сеть детских учреждений была создана. Правительство БССР уже в январе 1945 г. отметило, что НКВД республики организовал и обеспечил материальными ресурсами колонии для несовершеннолетних в Могилеве, Бобруйске и Речице (всего на 900 чел) [4, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 14]. В БССР к 1950 г. действовали 5 колоний для несовершеннолетних: Могилевская и Лидская трудовые

воспитательные, Бобруйская и Витебская трудовые колонии и Полоцкая спецколлония [4, ф. 11, оп. 1, д. 41, л. 139].

Однако с появлением рассматриваемой группы спецучреждений возымел действие и ряд проблем. Одной из острых проблем в регулировании деятельности детских колоний являлась организация режима. В современной юридической литературе понятие режима рассматривается как установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения наказания в виде лишения свободы. Режим дополняется правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, которые устанавливают наиболее значимые элементы режима, обозначая тот предельно допустимый уровень ограничений, которым могут подвергаться осужденные в процессе исполнения наказания в конкретном исправительном учреждении [5, с. 27].

Также применительно к детским воспитательным колониям имели место организации режима и пробелы в нормативной правовой базе. В ИТК БССР 1926 г. достаточно общо отмечалось, что целями режима содержания несовершеннолетних правонарушителей являлись «обучение их квалифицированным видам труда, расширение умственного кругозора путем общего и профессионального образования» [6, с. 153]. Сотрудники НКВД БССР при организации режима в ДТВК и ТК руководствовались положениями ведомственных нормативных правовых актов: 1943 г. – приказ НКВД СССР № 462 «Временное положение о трудовых воспитательных колониях»; после конкретизирования требований режима в сентябре 1948 г. – приказ МВД СССР. В последнем определялось, что «режим содержания осужденных несовершеннолетних должен обеспечивать изоляцию осужденных, порядок и дисциплину в колонии, охрану социалистической собственности, исключить возможность побегов, беспорядков и других нарушений, способствовать воспитанию и обучению несовершеннолетних». За состояние режима личную ответственность несли начальник колонии, его заместители и начальник надзирательской службы [4, ф. 51, оп. 1, д. 14, л. 112–114]. Позднее в мае 1949 г. приказом МВД СССР было введено другое положение, где говорилось о режиме содержания подростков, его порядке и организованности, охране социалистической собственности и дисциплине. В названных документах излагались четкие требования к режиму и способы его реализации, дифференцированные применительно к ДТК и ДТВК. К положениям прилагались соответствующие правила внутреннего распорядка. В целом режим содержания подростков в колониях (ДТВК и ДТК) предписывал администрации обеспечить охрану и изоляцию воспитанников, личную безопасность воспитанников и персонала, постоянный надзор за соблюдением установленного порядка и недопущение совершения правонарушений и преступлений [4, ф. 51, оп. 1, д. 14, л. 111–116].

Важная составляющая режима – налаживание внешней и внутренней надзирательской службы. Вообще охрана детских колоний изначально регламентировалась Временным положением об охране трудовых и трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних, введенным циркуляром НКВД СССР от 5 ноября 1943 г. № 521. Приказом МВД СССР от 1 июля 1946 г. № 271 было введено в действие Положение о надзирательской службе трудовых и трудовых воспитательных колоний Министерства внутренних дел СССР для несовершеннолетних. В названном документе задачи надзирательской службы определялись достаточно четко: обеспечение соблюдения воспитанниками установленного в колонии режима и дисциплины, недопущение самовольных отлучек и побегов, охрана территории колонии и материальных ценностей. В колониях создавались специализированные подразделения – внутренняя надзирательская служба (состояла из надзирателей, старших надзирателей и начальника надзирательской службы – офицера). Внешняя и внутренняя охрана на территории колонии осуществлялась суточным нарядом, в ночное время – усиленным дежурным офицером и дежурным воспитателем путем обходов общежитий и служебно-бытовых помещений и контроля за исправностью ограждением зоны. Вооруженная охрана осуществлялась только на наружных постах, нахождение с оружием внутри колонии и применение оружия в отношении несовершеннолетних строго воспрещалось [4, ф. 51, оп. 3, д. 6, л. 294–295]. Территория колоний ограждалась забором; жилые помещения, учебные и производственные мастерские, учебно-воспитательные и медико-санитарные учреждения – все службы должны были размещаться на огражденной территории. Численность надзорсостава устанавливалась МВД БССР. С сотрудниками надзорного состава предусматривалось проведение занятий по боевой, специальной и политической подготовке [4, ф. 51, оп. 3, д. 6, л. 294].

Один из важнейших элементов режима – контроль администрации за содержанием писем и посылок, внезапные осмотры жилых и производственных помещений и личных вещей воспитанников, что способствовало предотвращению противоправных деяний. Так, например, только в октябре – декабре 1953 г. сотрудниками Бобруйской ТК у воспитанников было изъято 7 запрещенных предметов – 1 стамеска, 2 молотка и 2 цикли. В Могилевской ТВК за аналогичный период было изъято 18 предметов – 3 стамески, 1 молоток, 9 самодельных ножей, 2 железки рубаночных и др. В Витебской ТВК «набор» изъятого был еще более многочисленным – 23 предмета, целый «арсенал» оружия, из них 4 стамески, 7 самодельных ножей, 9 железок рубаночных и 2 лучковые пилы [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 310].

В организации режима трудность вызывал и контингент поступавших в колонии подростков, большинство из которых имели судимости, значительная часть из них были осуждены на длительные (до 10 лет) сроки лишения свободы, а в Могилевской колонии, например, в октябре 1944 г. среди воспитанников 22 человека прежде проходили обучение в диверсионных школах абвера [4, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 51]. В Бобруйской ДТК летом 1953 г. из 54 наличных воспитанников с одной судимостью было 49, с двумя – 5. По срокам наказания показатели были следующие: до 2 лет лишения свободы – 2 человек, до 3 – 11, до 4 – 3, до 5 – 7, до 6 – 8, до 7 – 6 и до 10 лет лишения свободы – 5 человек [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 158].

Еще одной проблемой в организации режима в детских колониях являлась кадровая. За годы войны кадровый состав НКВД, особенно в БССР, понес большие потери: ведомство лишилось многих опытных сотрудников. Соответственно качественный состав кадров исправительных учреждений значительно ухудшился. Подавляющее большинство сотрудников не только не имели соответствующей профессиональной подготовки, но и не знали специфики работы в местах лишения свободы. Положение усугублялось также и тем, что многие из них имели слабую общеобразовательную подготовку [7, с. 114]. Следовательно, вполне объяснима неопытность, низкая дисциплина, а также часто и халатность сотрудников надзирательского состава. Так, например, проверка в 1945 г. вскрыла факты разложения надзорсостава Бобруйской ДТК. Часть сотрудников охраны являлись на службу в нетрезвом состоянии, воровали и продавали на базаре вещи воспитанников. Последствием подобного «режима» явился факт того, что в декабре 1945 г. из колонии 16 воспитанников совершили побег [4, ф. 11, оп. 1, д. 10, л. 11]. Из Могилевской колонии в 1953 г. за нарушения служебной дисциплины и допущение побега двух воспитанников были уволены надзиратели А.И. Клинтухов и М.Н. Котов, а надзиратель В.А. Виленчиков – за появление на службе в нетрезвом виде. Эти факторы, а также недостаточное материально-техническое снабжение и материальное обеспечение сотрудников в определенной степени затрудняло организацию режима. Доходило до того, что в связи с нехваткой кадров в 1944–1950-х гг. в колониях инструкторами производственного обучения временно назначались взрослые заключенные [4, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 36–37].

Одной из проблем детских колоний в рассматриваемый период были побеги воспитанников. Несмотря на усилия администрации и надзорсостава, количество беглецов в 1944–1953 гг. практически не уменьшалось. Причинами явились недоработка надзорных служб, недостаточное материальное снабжение, скудное питание и малоэффективная воспитательная работа. За первые семь месяцев 1945 г. из детских колоний НКВД БССР бежало 43 человека [4, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 6]. К началу 50-х гг. динамика побегов существенно не изменилась. Так, в Витебской колонии, например, только во втором квартале 1953 г. было допущено 18 побегов воспитанников [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 143]. За аналогичный период времени в Могилевской колонии бежали 17 воспитанников [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 142].

При всех отрицательных моментах режима действенным методом поддержания дисциплины среди воспитанников было применение поощрений и наказаний. В Правилах внутреннего распорядка в трудовых воспитательных колониях МВД и в Положении о трудовых воспитательных колониях предусматривалась система поощрений и наказаний [4, ф. 51, оп. 2, д. 12, л. 123]. За примерное поведение в школе, мастерских и быту, успехи в учебе, активное участие в общественной жизни, высокие показатели в труде к воспитанникам применялись устная благодарность, благодарность в приказе по колонии, награждение похвальной грамотой, премирование ценным подарком [4, ф. 51, оп. 2, д. 12, л. 118]. В трудовых колониях к поощрениям для осужденных применялось снижение срока наказания и досрочное освобождение [4, ф. 51, оп. 1, д. 4,

л. 115]. Администрация колоний широко использовала поощрения. Только в 4-м квартале 1952 г. в Бобруйской колонии 254 воспитанникам за примерное поведение и добросовестную работу было вынесено 539 поощрений, 21 благодарность начальника Управления МВД; 426 воспитанников были поставлены на дополнительное питание [4, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 135]. Применялось и денежное поощрение, особенно с конца 40-х гг., когда укрепилось материальное положение колоний. В 4-м квартале 1952 г. в Могилевской колонии воспитанники двух лучших отделений были премированы в размере 100 р., воспитанники 7-го отряда – по 50 р. каждому [4, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 143]. Всего в 4-м квартале 1952 г. из 787 воспитанников всех колоний республики за хорошее поведение, добросовестную работу на производстве, учебу в школе было вынесено 1 199 поощрений [4, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 134–141]. В качестве поощрения также выдавались путевки в летние лагеря отдыха и пионерские лагеря. Так, летом 1953 г. Витебская и Могилевская колонии на берегу Западной Двины организовали оздоровительные лагеря, где отдохнули 336 лучших воспитанников [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 204].

К нарушителям режима и внутреннего распорядка применялись наказания. Положением о трудовых воспитательных колониях МВД предусматривались: предупреждение, устное замечание, выговор на линейке, внеочередной наряд на работу (до 3 нарядов), объявление выговора в приказе, помещение в штрафную комнату (что являлось крайней мерой наказания) на срок до 3 суток. В трудовых колониях МВД к мерам наказания для нарушителей режима и правил внутреннего распорядка добавлялись еще внеочередной наряд на работу, помещение в штрафной изолятор на срок до 5 суток и перевод в трудовую колонию с особым режимом [4, ф. 51, оп. 1, д. 14, л. 115]. Таким образом, следует признать, что наказания применялись достаточно часто. Так, в 4-м квартале 1952 г. в Бобруйской ТК за грубые нарушения 12 воспитанников были помещены в штрафной изолятор [4, ф. 11, оп. 1, д. 52, л. 135].

Выполнению требований режима способствовала и организация воспитанников в коллективы. В колониях работали пионерские и комсомольские организации, широкое распространение получили кружки и физкультурно-массовая работа, общественные комиссии из воспитанников [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 14]. Соблюдению режима способствовало и то, что к началу 50-х гг. вся внеклассная воспитательная работа среди воспитанников проводилась в клубах колоний, где демонстрировались научно-популярные и художественные фильмы, действовали кружки художественной самодеятельности, проводились утренники, торжественные вечера, концерты, лекции, встречи с героями войны и труда, передовиками производства [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 204].

Благодаря принятым государством активным мерам по устройству детей-сирот к началу 50-х гг. в СССР в целом и в БССР в частности наметился спад детской беспризорности и безнадзорности. Уже в 1953 г. в трех действующих колониях БССР при емкости в 650 мест находилось 499 воспитанников. Снизилось и поступление: в 1953 г. в колонии поступило 44 подростка, а было трудоустроено, возвращено в семьи и к родным, освобождено по окончании срока наказания и выпущено в связи с амнистией 360 несовершеннолетних [4, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 140].

Итак, несмотря на серьезные трудности и сложные материальные условия, а также отдельные ошибки и просчеты, сотрудники НКВД/МВД БССР благодаря умелому организационному подходу и самоотверженному труду в целом смогли выполнить поставленные задачи, создали сеть детских колоний и наладили режим содержания воспитанников в колониях республики, подготовив к самостоятельной трудовой жизни тысячи детей и подростков, потерявших в результате войны родных и близких.

1. Карательные акции в Беларуси / сост. В.Я. Герасимов, С.М. Гайдук, И.Н. Кулан. – Минск : Сталія, 2008. – 164 с.

2. Тимофеев, В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события / В.Г. Тимофеев. – Чебоксары, 1999. – 206 с.

3. Справочник по законодательству для прокурорско-следственных работников / под ред. А.С. Папаратова. – М. : Юрид. лит., 1961. – 526 с.

4. Архив МВД Республики Беларусь.

5. Андреев, В.Н. Предварительное заключение под стражу в следственных изоляторах: практика исполнения и проблемы совершенствования : практ. пособие / В.Н. Андреев, Ю.А. Минаков. – М. : Изд-во ВНИИ МВД России, 2012. – 72 с.

6. Об опубликовании Исправительно-трудового кодекса БССР : постановление ЦИК Белорус. ССР, 16 окт. 1926 г. // Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьян. правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. – 1926. – № 52. – Ст. 202.

7. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. А.И. Зубкова. – М. : Норма-Инфра, 1997. – 614 с.

Дата поступления в редакцию: 15.06.16

V.A. Danilov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

SOME ASPECTS OF ORGANIZATION OF DETENTION REGIME IN COLONIES FOR MINOR OFFENDERS OF BELARUS IN THE POST-WAR YEARS (1945–1953)

This article is based on archival and published materials and it analyze process of formation and the organization of detention regime in the Belarusian corrective-labor and educational establishments (colonies) for minors. Forms and methods of activity of the department NKVD/MVD of BSSR of fight against children's homelessness and neglect reveal.

Keywords: homeless child, the mode in special penitentiary for minors, escape, the rights of minors, minor offenders.

УДК 94(470) + 355.09:2-725

A.B. Kascheev, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь, аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета (e-mail: kascheevav@rambler.ru)

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается исторический аспект возрастания роли религиозных аспектов в жизни общества в постсоветское время, в частности вопрос влияния военного духовенства на военнослужащих. Анализируется влияние конфессионального фактора на организацию управления военного духовенства накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: конфессиональный фактор, управление протопресвитера военного и морского духовенства, военные капелланы, военные пасторы, военные муллы.

После распада СССР в получивших независимость государствах отмечается постепенное возрастание роли религиозных институтов в жизни общества. Одним из проявлений этой тенденции является тесное сотрудничество религиозных институтов с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Начиная с 90-х гг. XX в. в белорусской, российской и украинской историографии появляются исследования по истории такого сотрудничества. Так как после создания Советского государства традиция взаимодействия религиозных институтов с государственными учреждениями и ведомствами была прервана, ученые обратились к опыту Российской империи, в которой существовало специальное ведомственное духовенство, представленное военными и морскими священно- и церковнослужителями. Восстановление института военного духовенства в Вооруженных Силах Украины и Российской Федерации, а также деятельность Синодального отдела Белорусского Экзархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Республики Беларусь делают эти исследования как никогда актуальными.

Обращаясь к истории военного духовенства, исследователи рассматривали в первую очередь вопрос влияния духовенства на военнослужащих. С расширением историографической и источниковой баз исследований проблемное поле последних расширялось [1]. Интерес стали представлять непосредственно концептуальные подходы в работах по истории военного духовенства. Несмотря на явное преобладание исследований по истории православного военного духовенства, на рубеже XX–XXI вв. появляются работы, посвященные деятельности военного духовенства других конфессий, в частности военных мулл [1–3]. При этом значительная часть исследований опирается на наработки дореволюционных авторов, тем самым из поля зрения исследователей выпадает организация управления и деятельности военного духовенства во время Первой мировой войны и в годы, предшествующие ей [4, с. 26–29]. Однако столетние юбилеи начала и событий Первой мировой войны активизировали исследовательский интерес к данной теме.